

Совершенно обычный голос прозвучал подобно божественной музыке. Звонок наконец связал их, и на том конце провода раздалось тяжелое дыхание.

Ли Сянфу резко встал. Цинь Цзяюй первой заметила это движение и поспешно спросила:

— Дозвонился?

Ли Сянфу кивнул. Опасаясь, что внезапный возглас подвергнет Ли Шаша опасности, он терпеливо ждал, пока собеседник заговорит первым, и параллельно проверял свежие данные на умных часах.

— Спа... спасите...

Сигнал возле заброшенного завода был из рук вон плохим, слова звучали очень неразборчиво.

Ли Сянфу нахмурился, подумав про себя: даже при плохой связи с чего бы этому голосу звучать так, будто человек постарел на пару десятков лет?

Ло Ань прекрасно понимал, что садиться за руль сейчас — верная смерть. Он уже не мог бороться со сном. С трудом повернувшись, он заблокировал двери машины и одновременно бросил взгляд в сторону завода. Не увидав Ли Шаша, он немного вздохнул с облегчением и принялся проверять окна. В тот самый миг, когда он повернул голову... перед ним неожиданно предстало холодное детское лицо. Черно-белые глаза не мигая уставились прямо на него.

Ребенок медленно улыбнулся:

— Дядя, я тебя нашел.

В следующую секунду он высоко занес железный прут и обрушил его на стекло.

Ли Сянфу на другом конце провода тоже услышал оглушительный грохот. Его лицо изменилось, и он выкрикнул: «Шаша!».

Ло Ань почти плакал, а из-за дикой сонливости его голос был едва слышен, словно писк комара:

— Я на химическом заводе Юаньцзи! В ма... в машине... Он пришел! Он нашел меня!

Ли Сянфу опешил на мгновение, но быстро пришел в себя и спросил:

— Вы кто?

— Я... Ло Ань! Похититель!

— ...

Слово от автора:

Ло Ань: Срочно пришлите людей мне на помощь!

Цинь Цзинь, уже приготовивший выкуп: ...

С той минуты, как Ли Сянфу ответил на звонок, он оказался в центре внимания. Полицейский быстро схватил блокнот и написал: «Громкая связь».

Ли Сяньфу, однако, не стал этого делать. Он лишь неопределенно угукнул пару раз, сказал: «Держись», — и повесил трубку.

— Это действительно похищение, — Ли Сяньфу посмотрел на присутствующих. — Похитителем, возможно, является мой бывший одноклассник.

Больше он ничего объяснять не стал, собираясь, судя по всему, обсудить подробности в дороге.

Полицейский нахмурился. Обычно, если родственники так себя ведут, это означает, что они заключили с похитителем секретную сделку, а некоторые из-за слишком сильного страха за заложника даже помогают преступникам обойти полицию и передать выкуп втайне.

— Мы сделаем все возможное, чтобы обеспечить безопасность заложника, — подчеркнул он.

Ли Сяньфу кивнул:

— Я знаю.

Цинь Цзинь прервал бессмысленный разговор:

— Где геолокация?

— Химический завод Юаньцзи, — ответил Ли Сяньфу.

Полицейский, похоже, помнил это место:

— Десять лет назад на этом заводе произошла крупная авария, после чего его забросили. В радиусе как минимум одного километра вокруг — ни души.

Ли Сяньфу удивился:

— Неужели никто так и не взял этот участок в аренду?

— Ходили слухи, что земля там заражена химикатами, вот застройщики и опасаются, что в построенных домах никто не захочет жить.

Установив маршрут в навигаторе, полицейский вызвал двоих коллег и на всякий случай затребовал машину скорой помощи.

Увидев это, Цинь Цзяюй нахмурилась и холодно произнесла:

— Преступник нарочно выбрал такое глухое место. Стоит поднять хоть малейший шум, как он тут же обо всем догадается.

Она повернулась к Ли Сяньфу:

— Лучше уж нанять нескольких первоклассных телохранителей, чтобы они проникли туда тайно.

Полицейский понимал, что перед ним богатая семья, но все равно почувствовал досаду:

— Пожалуйста, верьте в нашу профессиональность. Мы не спугнем преступника.

— Спугнем или нет — тоже неплохо, — неожиданно произнес Ли Сяньфу довольно странную

фразу. — Возможно, похитителю прямо сейчас нужно немного поддержки и любви.

Цинь Цзяюй отпихнула ногой мешавший стул:

— Чтобы досадить мне, ты готов совсем забыть о человечности.

Полицейский: «...»

Так чей же это ребенок на самом деле?

Начиная со старой зоны застройки, город словно разделился на два совершенно разных мира.

Внутри городской черты царило невероятное оживление, а за ее пределами простиралась настоящая глушь.

Ли Сяньфу и сам впервые видел столь унылое место в пределах города: на огромной территории не виднелось ни единого зеленого деревца, неудивительно, что застройщики обходили его стороной.

Только в дороге он подробно рассказал о Ло Ане и попросил Лю Юя прислать его фотографию.

Вдали уже вырисовывались очертания здания. Заброшенная труба бросалась в глаза сильнее всего. Покинутый завод одиноко возвышался посреди равнины, а его ржавые стены в окружении звенящей тишины наводили тоску и страх, словно кадр из фильма ужасов.

— А вы не будете включать сирену? — спросил Ли Сяньфу.

Полицейский вздохнул:

— ...Сирену включают в основном для того, чтобы уступили дорогу другие машины, а также чтобы устроить преступника и пресечь возможное правонарушение.

Когда похититель ничего не подозревает, незаметное проникновение позволяет лучше контролировать ситуацию.

Пресечь возможное правонарушение?

Услышав это, Ли Сяньфу оживился:

— Тогда тем более нужно включить сирену.

— ...

На этот раз приехали две полицейские машины. Ли Аньцин и Цинь Цзяюй ехали во второй, а Ли Сяньфу — вместе с Цинь Цзинем.

Заметив беспокойный взгляд Ли Сяньфу и, кажется, уловив его мысли, Цинь Цзинь произнес:

— Не волнуйся. Он ведь всего лишь ребенок.

— ...

Ли Сяньфу считал, что вероятность крайних поступков со стороны Ли Шаша мала: у этого «мастера теории» в вопросах морали и воспитания имелась собственная вполне цельная

система взглядов.

Полицейский как раз обдумывал план скрытного проникновения на завод с учетом рельефа местности, как вдруг увидел впереди маленького карапуза, который стоял на крыше автомобиля и махал им красным галстуком.

Проработав в полиции много лет, привыкаешь ко всему, но такое... он видел впервые в жизни.

Полицейские машины остановились. Ли Шаша ловко спрыгнул на землю:

— Вы наконец-то пришли.

Несмотря на юный возраст, говорил он бойко и доходчиво изложил всю суть произошедшего. Правда, не обошлось без наивных детских объяснений:

— У плохого дяди из ноги шла кровь. Учительница говорила, что если вытечет слишком много крови, человек умрет. Вот я и бежал за ним, чтобы сделать перевязку, а он все время убегал.

Дверь машины давно покорежило от ударов. Ло Аня вынесли на носилках. Рана на его ноге действительно была перевязана куском ткани, причем бант завязали в виде милого кроличьего узелка.

Онемение к этому моменту почти прошло. Свою жестокость Ло Ань мог проявлять разве что перед ребенком, а при виде полицейских машин у него хлынули слезы и сопли, и от недавнего спесивого головореза не осталось и следа.

Цинь Цзинь, сидя в машине, почувствовал странное дежавю. Он помнил, как несколько месяцев назад похититель из Древней деревни Тяньси точно так же со слезами на глазах погружался в карету скорой помощи.

История повторилась: преступника отправили в больницу, а жертва поехала в участок давать показания.

В полицейском участке Ли Шаша пил горячий чай, налитый Цинь Цзинем, и снова пересказывал все произошедшее.

Полицейский посмотрел на него со сложным выражением лица:

— Тебе стоит быть осторожнее с этой обувью в повседневной жизни.

— В школе у нас единая форма и обувь. Эту пару я надеваю только после уроков, а потом меня сразу забирают на машине домой.

Произнося это, Ли Шаша из чувства вины не смел встретиться взглядом с Ли Сяньфу. В конце концов, это уже второй раз, когда с ним случаются неприятности из-за похода в ларёк. В прошлый раз он купил кубик Рубика, который не следовало покупать.

Закончив с протоколом, Ли Сяньфу повел его домой. Цинь Цзяюй уехала еще от завода, не упустив напоследок случая съязвить Ли Сяньфу: «Даже за ребенком уследить не можешь».

За рулем сидел Ли Аньцин. На обратном пути в машине царила полная тишина. Ли Шаша на удивление не крутил кубик Рубика, а лишь нервно теребил пальцы, пытаясь угадать настроение каждого по выражению лица.

Едва переступив порог дома, он тут же оказался в объятиях, пропахших духами:

— Ты сильно испугался, да?

Ли Сичунь выглядел чрезвычайно обеспокоенным.

— Это Шаша вернулся? — Старик Ли спустился со второго этажа. Его голос звучал не так бодро и раскатисто, как обычно: сердце старика пошаливало, и все то время, пока ребенок числился пропавшим, он держался из последних сил.

Теперь, когда мальчика нашли и напряжение спало, все недомогания нахлынули разом.

Лицо Ли Шаша не выражало особых эмоций, он лишь слегка опустил голову:

— Я не должен был заигрывать.

Уроки закончились рано, вокруг никого не было, и ребенок с рюкзачком за плечами, бродящий по пустынному переулку, легко мог стать мишенью для злоумышленников.

— Это просто кое-кто слишком душонкой черн, при чем тут ты? — сказав это, Старик Ли бросил взгляд на Ли Сянфу, решив, что тот отругал мальчика по дороге, и недовольно добавил: — Сейчас все выступают за воспитание любовью, а ты вроде еще молодой человек, а таких вещей не понимаешь.

Учитывая самочувствие отца, Ли Сянфу молча выслушивал упреки.

К сожалению, Старик Ли и не думал останавливаться:

— Что такое? Уж и слова тебе сказать нельзя?

Нотации продолжались не одну минуту, и Ли Сянфу почувствовал: если он сейчас ничего не скажет, отец начнет припоминать старые грехи, разойдется не на шутку и в итоге лишь навредит собственному здоровью.

Ему ничего не оставалось, кроме как с совершенно бесстрастным лицом выдать одно имя:

— Сяося.

Это имя действовало как яд!

Едва услышав его, Старик Ли сначала обомлел, а затем без малейшего промедления снова принялся сотрясать воздух:

— А с той твоей паршивой историей ты когда собираешься разберешься?!

С этими словами он изо всех сил хлопнул по столу, так что вода из чашки выплеснулась наружу.

Ли Сянфу погрозил пальцем и абсолютно спокойным, невозмутимым тоном произнес:

— Давайте дарить любовь, а не причинять боль.